

УДК 821.161.1-1(Клюев Н.)(049.32)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)6-8,445

О. А. Скрипова

Екатеринбург, Россия

НОВОЕ СЛОВО О Н. КЛЮЕВЕ

(Казаркин А. «Посвящённый от народа»: путь Николая Клюева. — Томск: Сибирика, 2013. 184 с.)

O. A. Skripova

Yekaterinburg, Russia

A NEW WORD ABOUT NIKOLAI KLYUEV

(Kazarkin A. «Consecrated by people»: the way of Nikolai Klyuev. — Tomsk: Sibirika, 2013. 184 p.)

Николай Клюев — в высшей степени самообытный поэт, более чем на полвека вычеркнутый из истории русской литературы. Отсюда — особый интерес к клюевской поэзии в последние десятилетия, литературоведы пытаются очертить её своеобразие, понять место поэта в русской культуре. Монография А. Казаркина является существенным вкладом в изучение творческого наследия Клюева, новым словом, ломающим стереотипы о поэте.

Для исследователя характерно стремление рассмотреть путь поэта во всей сложности и противоречивости, увидеть зигзаги на этом пути, преодолеть узкий взгляд на Клюева как только на новокрестыанского поэта. Казаркин приводит разные суждения о Клюеве, порой противоположные оценки его творчества, книга проникнута духом полемики, при этом автор выстраивает чёткую концепцию пути поэта.

В поле зрения учёного оказывается и лирика, и проза, и поэмы Клюева. Прослежена связь поэта с эпохой, его диалог с художественными течениями начала XX века, особенно с символизмом, с эстетическими и религиозно-философскими идеями (гностицизм, хлыстовство). Искания, а порой и метания поэта, перегибы и уклоны рассмотрены как печать времени. Вполне можно согласиться с тем, что в позднем творчестве Клюева преобладает трагический пафос. Интересны и порой неожиданны параллели Клюев — Ремизов, Клюев — Цветаева, Клюев — Платонов. Подчёркнут полигенетический характер лирики Клюева, которая вырастает не из одного источника, а из разных, причем наибольшее воздействие оказал символизм. Вполне справедливо исследователь полемизирует с теми, кто ищет реализм в поэзии Клюева.

Очень интересно намечены противоречия, которые, на наш взгляд, являются плодотворными для развития клюевской поэтической системы, ведь нередко лирика и рассматривается как система конфликтов: обыденная жизнь и мистическая тайна как источник чувства избранничества, причастность человека обоим планам — земному и небесному, национально-охранительный изоляционизм и вбирание далёких культур и вер, утопия и эсхатология как две определяющие черты русского ума. Убедительно прослежена эволюция лирического героя Клюева, логика его пути: «Жизненная драма в сов-

ещении несовместимого, а схема пути — возвращение блудного сына».

Как особая проблема рассмотрена стилизация у Клюева в разделе «Своё-чужое слово», причём прослежена связь со стилизаторским бумом эпохи. Говорится о сознательном многовариантном использовании фольклора и сверхзадаче стилизации — вероискании. В стиле ещё одно существенное противоречие: наложение модернизма на средневековое мировосприятие, клюевский стиль охарактеризован как барочный. Ранее Н. Л. Лейдерман определял стиль поэта как «барочно-монументальный».

В работе много тонких наблюдений над отдельными образами и мотивами клюевской поэзии, особенно выделен мотив преображения, показано центральное место архетипа Матери, образа Пряхи. Целостное представление о поэтическом мире Клюева — дело будущих исследований.

Вписывая творчество поэта в историко-литературный контекст, А.Казаркин говорит и о выборе Клюевым творческого поведения, самоопределения в «литературном поле», здесь как раз раскрывается один из смыслов названия книги: Клюев — посвящённый от народа, ходок в чужой мир, его имидж-миф — «знаток поддонной Руси».

Порой автор весьма пристрастен, он рассматривает творчество Клюева с позиций глубоко верующего православного человека, поэтому иногда эстетическая оценка подменяется религиозной. Чувствуется некоторая тенденциозность и дидактичность исследователя, особенно это заметно в параграфе «Евхаристия шаманов», где Клюев обвиняется в ереси, подчёркнуто, что «рядом с такими «сатаноискателями», как Л.Андреев, Ф.Сологуб, М.Булгаков, Клюев — еретик менее опасный. И, самое важное, он шёл путём раскаяния». А ведь, по верному замечанию Замятина, «настоящая литература может быть только там, где её делают безумцы, отшельники, еретики, мечтатели, бунтари, скептики». Эта тенденциозность проявляется и в оценке художественных стратегий. Так, автор утверждает следующее: «Выход из модернизма может быть только в сторону нормы-традиции, а в сторону патологии (постмодерн) — это не выход, это ещё большее погружение в болото». Путь Клюева отчасти тоже очерчен тенденциозно: «от непоследова-

тельной, размытой религиозности к еретической и только в конце жизни к православной». Так ли важны для поэта конфессиональные различия? Осуждается автором и доктрина мифотворчества как распад религиозного сознания. А ведь мифотворчество привело к значительным художественным открытиям в эпоху Серебряного века. Эстетическая утопия, общая для нескольких направлений серебряного века, — знамение кризисных, переходных эпох — тоже способствует обновлению искусства.

Не мог исследователь обойти стороной вопрос: «Клюев и революция», «Поэт и власть». Нельзя не согласиться с тем, что «русская революция сначала увидена Клюевым сквозь народную социальную утопию, затем утопия уступила место апокалиптике». Послереволюционная антинациональная диктатура рассмотрена как момент отрезвления поэта. Можно добавить, что подобное отрезвление начинается со второй половины 1920-х годов и у других новокрестьянских поэтов: С. Клычкова, П. Орешина. Безусловно, прав исследователь: «Столкновение крестьянской утопии с марксизмом сразу выявило её беззащитность, несовместимость с антинациональным проектом».

А. Казаркин оговаривается, что разговор о прозе Клюева имеет подсобный характер, поскольку «в прозе Клюев не оставил столь же значительного следа, как в стихе». Тем не менее, интересны наблюдения над тем, как в прозе Клюева сказочно-мифотворное начало подавляет мемуарное, сны и автожития рассмотрены как продукт поэтизации прозы.

Очень обстоятельно анализируются в работе поэмы Клюева, причём показана динамика жанра. Ставятся вопросы, которые открывают перспективу дальнейших исследований: в чём единство поэм Клюева, каков их вес в большом контексте русского стихотворного эпоса? Ведётся разговор и о «маргинальных» поэмах Клюева, которые обычно не попа-

дают в поле зрения литературоведов. Заметим лишь, что первая собственно фабульная поэма «Погодельщина» рассмотрена довольно бегло, возражения вызывает трактовка финала: Лидда мыслится как пространство спасения, идеально-сказочный город, но ведь и в «Повести о Лидде» после идиллической части показано нападение на город полчища врагов, Царство Божие не наступает, реальность ломает священный сюжетный архетип.

Особое внимание уделено последнему стихотворению Н. Клюева «Есть две страны» и поэме «Песнь о Великой Матери». Последние вещи мыслятся как духовное завещание поэта, подведение итогов личной, родовой и национальной жизни, к тому же последняя поэма, по мысли исследователя, — текст, завершающий русский стихотворный эпос: «На фоне модернизма поэмы Клюева выглядят как попытка восстановления единства национально-го самосознания в крупной поэтической форме».

В целом, книга А. Казаркина отличается глубиной, тонкостью замечаний, страстным тоном. Автор, чья широчайшая эрудиция несомненна, даёт необычную интерпретацию клюевских текстов. Здесь обозначены очень важные проблемы, требующие дальнейшего изучения. Отметим, что книга Казаркина читается «на одном дыхании», это научно-популярное издание, адресованное, в первую очередь, учителям и студентам, а также всем любителям русской поэзии. Но много ценного для себя почерпнут специалисты по серебряному веку и по истории русской литературы 1920-х годов.

ЛИТЕРАТУРА

Замятин Е. Я боюсь. — Режим доступа: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_1921_ua_bous.shtml.

Лейдерман Н. Л. «Мужицкий Вертоград» Николая Клюева // Русская литература XX века: 1917 — 1920-е годы: в 2 кн. Кн. 1 / под ред. Н. Л. Лейдермана. — М.: Издательский центр «Академия», 2012. — 464 с.

Данные об авторе

Скрипова Ольга Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет.

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: olga-skripova@mail.ru.

About the author

Skripova Olga Alexandrovna is a Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Literature and Methods of its Teaching, Ural State Pedagogical University.